

УДК 1(430)(091)(092)+82:1

Ф. НИЦШЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ В ЕВРОПЕЙСКОЙ ФИЛОСОФИИ XX ВЕКА

Т.Г. Румянцева

Белорусский государственный университет
пр-т Независимости 4, 220004, Минск, Республика Беларусь
t.rumyan30@gmail.com

Аннотация. Показано место и значение Ф.Ницше как мыслителя, идеи которого во многом обусловили переход от традиционных представлений о месте и роли языка в философии к неклассическому его толкованию, что способствовало осуществлению т.н. «лингвистического поворота» в европейской философии и культуре XX века. Выявлена суть ницшеанских экспериментов вокруг языка и лингвистических «ухищрений» его стиля, превративших язык в самодостаточное, многослойное образование, что и привело к приобретению им самостоятельного значения и переходу от «философии сознания» к «философии языка», составившему сущность «лингвистического поворота». Кратко освещается также то, что образно называют «тенью болезни» Ф.Ницше и ее влияние на формирование языка и стиля его философского письма.

Ключевые слова: язык философии; лингвистический поворот; Ф.Ницше; философия сознания; язык и стиль философии Ф.Ницше; тема болезни Ф.Ницше.

F. NIETZSCHE AND THE LINGUISTIC TURN IN EUROPEAN PHILOSOPHY OF THE TWENTIETH CENTURY

T.G. Rumyantseva

Belarusian State University
Independence Avenue 4, 220004, Minsk, Republic of Belarus

Annotation. The place and significance of F. Nietzsche as a thinker whose ideas largely led to the transition from traditional views about the place and role of language in philosophy to non-classical interpretation of it is shown. This contributed to the implementation of the so-called “linguistic turn” in European culture and philosophy of the twentieth century. It is also shown the essence of Nietzsche’s experiments around the language and linguistic tricks of his style, which turned the language into a self-sufficient, multi-layered phenomenon and led in many ways to its acquisition of independent significance and to the transition from the “philosophy of consciousness” to the “philosophy of language”, which amounted to the essence of the “linguistic turn.” It is also briefly covered by what is figuratively called the “shadow of the disease” of F. Nietzsche and its influence on the formation of the language and style of his philosophical writing.

Keywords: Language of Philosophy; Linguistic Turn; F. Nietzsche; Philosophy of Consciousness; Language and Style of F. Nietzsche's Philosophy; Topic of F. Nietzsche's Disease.

Согласно устоявшейся в культурологической и философской литературе точке зрения, под «лингвистическим поворотом» традиционно понимают термин, описывающий ситуацию, сложившуюся в философии примерно в первой трети XX столетия. С помощью этого словосочетания принято обозначать момент перехода от философской классики («философией сознания») к неклассической философии («философии языка») [1, с. 557; 2, с. 12.] И если классическая мысль исходила из тождества мышления и языка, отводя последнему исключительно промежуточное место между мышлением и миром, считая язык ординарным, всегда контролируемым средством логической работы, то, начиная уже с Ф.Ницше, было положено начало новому, неклассическому типу философствования. Происходит переосмысление отношений между миром и языком, когда язык понимается уже как нечто самостоятельное, самоявляющееся, многослойное образование, приобретающее самостоятельное значение, то, с помощью чего можно не только отображать мир, но и успешно манипулировать сознанием. Осуществляется перевод философских проблем в сферу языка и решение их исключительно или, по крайней мере, по преимуществу на основе анализа языковых средств и выражений [2, с. 12.]

Ф. Ницше и подготовил почву для такого переворота, более того, он ввел в философию и культуру целый ряд идей, которые приобрели затем «сквозной» характер, в той или иной мере воспроизводясь в самых разных философских течениях XX века. Речь идет о критике разума и базирующейся на нем науки, переосмыслении роли и значения истины, природы и сущности языка и многого другого. Всё это философ назовет «идолами», от которых надо очистить сознание. Он писал: «И будут выслежены новые идола ?...Это маленькое сочинение есть *великое объявление войны*; что же касается выслеживания идолов, то на сей раз это не временные, а *вечные* идола, к которым я здесь прикасаюсь молотом....» [3, с.557.]

Такого рода «очищением» и займется, по сути, вся европейская философия, выявляя то, что она будет называть «болезнями» языка, сознания и культуры в целом. Особенно это коснется того, как все эти «болезни» выражаются через определенные устойчивые языковые выражения и образования. По словам М.К. Мамардашвили, речь идет об «обнаружении автономной жизни языка, языковых явлений...обнаружении того, что язык не есть просто инструмент для готовой мысли, а сам имеет какое-то тело, живущее своей автономной жизнью; язык продуцирует содержание того, что человек говорит; факт употребления языка «разряжает» какую-то самостоятельную

жизнь языковых значений и смыслов» [4, с. 431.] Будут предприняты многочисленные попытки обнаружения этой самостоятельной жизни языка и его влияния на сознание. А займется этим делом не только традиционно исследующий такого рода феномены психоанализ, но и аналитическая философия, феноменология, экзистенциализм, герменевтика, структурализм и постмодернизм. Почти все эти направления философии XX века будут исходить, таким образом, из презумпции об автономной роли и значении языка, полагая, что он накладывает существенный отпечаток на содержание мыслей, текстов, а, следовательно, и поступков людей.

Именно Ф. Ницше станет здесь тем мыслителем, который стоит у истоков такой новой трактовки языка, который он понимал не просто как инструмент сообщения, а то, с помощью чего можно разрушить привычный ход мыслей, устоявшиеся штампы и стереотипы, вызвав у читателя новые представления о, казалось бы, хорошо известных и привычных вещах. Та «новая философия», к созданию которой он приступил в своих произведениях, и которую часто сравнивают с психоанализом познавательных и нравственных парадигм, потребовала разоблачения исторического смысла ценностей, сложившихся в Европе за 2000 лет. Речь идет о достаточно радикальной смене самой философской парадигмы: философия, по Ф. Ницше, не должна больше заниматься поисками истины, сосредотачивая все свои усилия на теоретическом познании. Ее задача – это задание новых ценностей и перспектив, включая сюда и анализ истории происхождения моральных и любых других предрассудков. Он пишет: «При каких условиях изобрел человек себе эти суждения ценности – добро и зло? *И какую ценность имеют сами они?* Являются ли они признаком бедственного состояния, истощения, вырождения жизни? Или, напротив, обнаруживается ли в них полнота, сила, воля к жизни, ее смелость, уверенность, будущность?»... «нам необходима *критика моральных ценностей, сама ценность этих ценностей должна быть однажды поставлена под вопрос*» [5, с. 410, 412.]

Осуществленная им реформа философии как таковой, придание ей совершенно новых целей и задач потребовали и коренной реформы языка, нового отношения к стилю философского исследования, что и было осуществлено немецким философом. Новая концепция философии подразумевала включение в нее радикально новых средств выражения – афоризм, дифирамб, стихотворение и т.п. Здесь именно афоризм становится своего рода искусством толкования и оценки, а сам «новый философ будущего» превращается и в физиолога, и врача, и в законодателя.

О специфике стиля и языка философии Ф. Ницше писали и продолжают писать многие исследователи. Так, уже упоминаемый М.К. Мамардашвили, отмечая прекрасный стиль и форму текстов Ф. Ницше, призывает нас обратить

внимание не столько на то, что мы имеем дело с «прекрасным писателем, фантастической красоты и выразительности мастером немецкой прозы». Он полагает, что надо глубже взглянуть в самую суть дела и независимо от каких-то чисто любительских, эстетических... оценок увидеть, что «Ницше практиковал особый эксперимент с языком». Суть этого эксперимента советский философ увидел в «самом разгуле и блеске метафор, сравнений, неожиданных смещений пластов языка», с помощью которых Ф. Ницше «пытается разрушить существующие семантические, смысловые связи, которые уже есть в языке и сами, независимо от нас, наших усилий, воспроизводятся в нашей голове...чтобы эти элементы могли по-новому сочленяться, по-новому соединяться» [4, с. 91].

Таким образом, анализируя тексты Ф. Ницше, следует обращать внимание не только на непосредственно выраженное в них содержание, но и то, *как* мыслитель организует это содержание, так как преобладающая в них форма – афоризм выполняет крайне важную задачу. Это, как уже отмечалось, разрушение стандартных стереотипов мысли, причем, именно благодаря избранному стилю письма, его непохожести на все когда-либо имевшее место в литературе, дерзости и т.п. Как пишет исследователь творчества Ф. Ницше К. Свасьян, от его текстов, особенно «Так говорил Заратустра», книге, в которой этот новый язык проявил себя наиболее выпукло, «нельзя ожидать привычной «информации»... Слова здесь бросаются как игральные кости – не больше: «греша словами и игральными костями, – предупреждает Заратустра, – дурачу я тех, кто торжественно ждет» [6, с. 772].

О стиле и языке ницшеанских текстов писал в свое время и К. Ясперс, издавший блистательную книгу под названием «Ницше и христианство», отнюдь не ограничиваясь, однако, тематикой, заявленной в ее названии. Большое внимание он уделил здесь, в том числе, и афористическому стилю его работ. Он, в частности сравнил его тексты с «брызжущим искрами остроумия интеллектуальным фейерверком, бросающимся в глаза...его неслыханными гиперболами, его шокирующими парадоксами...» [7, с. 95]. И в самом деле, знакомясь с его текстами, обнаруживаешь целый ряд таких особенностей, как смелую решительность сказать все, что угодно, не стесняясь никаких, даже самых интимных, казалось бы, откровений; двусмысленность или, скорее многосмысленность его идей, наполненности их бесконечными значениями. Часто сформулировав ту или иную мысль, Ф. Ницше тут же отказывается от нее и выдает нечто ей совершенно противоположное [8, с. 29]. Характеризуя такого рода особенности стиля его работ К. Ясперс, будучи доктором медицины, много лет проработавшим в психиатрической клинике, связывал их с тем, что он называл «тенью болезни» философа и вызванными ею состояниями. Именно болезнь, полагал он, вызывала «резкую смену настроений, упоение

небывальными возможностями, скачками из крайности в крайность, от вершин восторга к глубинам отчаяния» и отсутствием у него истины в виде окончательно сформулированных тезисов, когда самому читателю он как бы предлагает самостоятельно продумывать итоговое решение [7, с. 97].

Многие авторы, вслед за К. Ясперсом, а также ссылаясь на откровения самого Ф. Ницше, отмечали влияние болезни на формирование его отрывочного, афористического стиля; он возник у него как бы «поневоле», в промежутках болей, урывками, а затем стал для Ф. Ницше его вторым я. Философ действительно писал о том, что, спасаясь от своего недуга, он научился пускаться в фальсификации действительности, представлялся бодрым, объективным, любопытствующим и насмешливым, полагая, что у больного это признак хорошего вкуса.

Тему языка и особенностей афористического стиля его работ, связывали с болезнью Ф. Ницше и такие выдающиеся писатели и философы, как А. Белый, Л. Шестов, Т. Манн, С. Цвейг, Ж. Делёз и др. Так, Делёз прямо спрашивал, «в каком смысле болезнь (или даже – безумие) присутствует в творчестве Ф. Ницше» [9, с. 12.] Однако, отвечая на этот вопрос, он категорически отвергал даже саму мысль о том, что она могла быть «источником вдохновения....» и видел в болезни, скорее, «*точку зрения* на здоровье, а в здоровье – *точку зрения* на болезнь...как перемещение, призывание к переоценке ценностей» [9 с. 13.]

Завершая разговор о том, что образно называют «тенью болезни» Ф. Ницше и ее влиянии на формирование языка и стиля философского письма мыслителя, отметим, что в XX веке в европейской культуре возникает совершенно необычный, или ранее просто недостаточно отрефлексированный, образ гениальности как болезни. Речь здесь не идет об исследованиях в духе Ч. Ломброзо, писавшего о соотношении «гениальности и помешательства», Э. Кречмере или даже З. Фрейде. Имеется в виду такой образ больного гения, о котором рассуждают отнюдь не в чисто медицинском, а, скорее в социокультурном или культурологическом смысле. В данном контексте болезнь гениального человека рассматривается как своего рода привилегированное состояние, как та перспектива, точка отсчета и т.п., которая представляет возможным увидеть и осмыслить то, что обычному человеку в обычном состоянии оказывается просто недоступно. Называя такое состояние «предельным», некоторые авторы связывают его с особенностями и характером языка и стилем философствования самого Ф. Ницше. Язык, таким образом, приобретает совершенно не свойственное ему ранее значение, будучи уже не просто инструментом передачи мысли, а тем, что оказывает разрушающее и одновременно созидующее воздействие на сознание читателя. Ломая все привычные штампы и стереотипы, он призывает нас по-новому посмотреть на

этот мир, вызвать новые впечатления и мысли о происходящем и о себе самом. Он как бы призывает читателя к тому, что можно назвать «переоценкой ценностей», расширяет его кругозор за пределы наличного бытия, закладывая тем самым основы для новых мирообразующих практик. Только так, пожалуй, и представляется возможным «превзойти» сегодняшнего человека, разучившегося мыслить, думающего исключительно о комфорте и благополучии и неспособном отразить угрожающие вызовы современного глобального мира.

Библиографические ссылки

1. Филиппович, А.В. Лингвистический поворот / А.В.Филиппович // Новейший философский словарь: 3-е изд. Минск, Книжный Дом. 2003. – С.557.
2. Современная западная философия. Под общ. ред. Т.Г.Румянцевой. Минск, Книжный Дом. 2008. – 1024 с.
3. Ницше, Ф. Сумерки идолов, или как философствуют молотом // Ф.Ницше. Сочинения в двух томах. Том 2. М., «Мысль», 1990. – С.556-630.
4. Мамардашвили, М.К. Очерк современной европейской философии / М.К.Мамардашвили. М., «Прогресс-Традиция». 2010. – 584 с.
5. Ницше, Ф. К генеалогии морали // Ф.Ницше. Сочинения в двух томах. Том 2. М., «Мысль», 1990. – С. 407-525.
6. Свасьян, К. Так говорил Заратустра. Примечания // Ф.Ницше. Сочинения в двух томах. Т.2. М., Мысль. 1990. – с. 770-775.
7. Ясперс, К. Ницше и христианство / К.Ясперс. М., «Медиум». 1994. – 114 с.
8. Румянцева, Т.Г. Фридрих Ницше / Т.Г.Румянцева. Минск, Книжный Дом. 2008. – 192 с.
9. Делёз, Ж. Ницше / Ж.Делёз. СПб., АХИОМА. 2001. – 184 с.